

СЕРГЕЙ ДОЗОРОВ

АРОН РОДОВИЧ

ВЯЗЬМИН ДЕТЕКТИВ-ПРИЗЫВАТЕЛЬ

Сергей Дозоров

Вязьмин. Детектив-призыватель. 2

«Автор»

2026

Дозоров С.

Вязьмин. Детектив-призыватель. 2 / С. Дозоров — «Автор», 2026

Я доказал, что труп Аркадия подбросили. Осталось выяснить, кто его убил. След ведёт к женщине, способной сломать чужую волю. Мои доказательства — долги трёх аристократических родов, записи мертвеца и последние слова, которые он успел сказать сестре. Чтобы закончить экзамен и получить лицензию, мне придётся заставить подозреваемую выдать себя перед камерами. Ошибусь — уничтожу невинную. Окажусь прав — она полезет мне в голову. Хорошо, что рядом Фыр. Плохо, что кусать он умеет только снаружи.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Дозоров

Вязьмин. Детектив-призыватель. 2

Глава 1

В кладовой Бирюка стало теснее, хотя людей прибавилось всего на одного. Бессонов положил рядом с шестью серыми карточками пакеты из кабинета Смольцевой, и две разные дороги — сургучная и денежная — заняли один стол, не соединившись между собой.

— Коробка уходит на подсчёт оттисков, — сказал Бессонов. — До результата ветку не трогаем.

Бирюк подцепил пакет с квитанцией за край и переставил подальше от доски.

— Значит, сегодня у вас осталась возможность не влюбиться хотя бы во вторую улику. Смотрите сюда.

Он снял выцветший факультетский вымпел. Под ним висели шесть карточек без фамилий — номера семей, обещанные суммы и пустые строки для фактической помощи. Прапорщик высыпал на стол тяжёлые счётные жетоны.

— Программа поддержки обедневших родов. Три миллиона двести тысяч рублей по закрытому отчёту. Разложите.

Я распределил жетоны по карточкам. Четыреста тысяч легли под номером четыре — Кушины. Под вторым номером стояло шестьсот. Остальные суммы заполнили стол так аккуратно, будто каждый рубль уже нашёл владельца.

Бирюк подождал, пока последний жетон перестанет вращаться, и сгреб две трети в ладонь. Металл загремел в нижнем ящике.

— Банковские переводы подтверждают миллион сто. Два миллиона сто тысяч отчёт относит к сопутствующим услугам: оценка имущества, оформление, подрядчики, технический надзор, обеспечение доступа и прочие слова, способные стоить дороже крыши.

На дереве остались редкие островки денег. Фыр поставил передние лапы на край стола, втянул воздух над пустым местом и посмотрел на Бирюка.

«Он спрятал еду?»

— Деньги.

«Тогда хуже. Деньги невкусные, а люди из-за них кусаются».

Я вернул один жетон к четвёртой карточке.

— Кущины: обещано четыреста, прямым переводом клинике пришло сто. Выписку дал сам Пантелей, отец лечение получил. Остальные триста тысяч пока могут быть и расходами, и дырой.

— Аркадий спросил его: «Сто из скольких объявленных?» — Бирюк вынул мой телефон из пакета возврата, включил копию записи и остановил на голосе Кущина: «Я сказал: выписка есть...» — Погибший уже проверял отчёт через получателя. Дальше пройти не успел.

— Значит, повторять его вопрос Кущиным бессмысленно. У нас уже есть их ответ, а повторный визит только предупредит канал, если семья им служит.

Бирюк положил на стол пять одинаковых белых конвертов.

— Пять внешних групп войдут к остальным семьям одновременно. Без Академии, с добровольным согласием либо отдельным разрешением. Сколько обещали, сколько получили, какие услуги оказаны.

Я коснулся карточки номер два. Шестьсот тысяч обещанной помощи, двести тысяч подтверждённого перевода. Деньги поступили месяц назад — позже остальных.

— Эту семью проверяю я.

— С какой стати? — Бирюк не убрал мою руку, только накрыл карточку конвертом. — Группа задаст те же вопросы законнее и быстрее.

— Она получит ответы в комнате. Мне нужна вещь, ради которой просили помощь. Здесь написано: аварийная крыша. Я хочу увидеть, во что превратились четыреста тысяч услуг.

— Вязьмин, вы ещё не следователь.

— Поэтому еду с Бессоновым. Он держит разрешение и камеру, я — вопрос. Если крыша починена, моя красивая версия умрёт на чердаке, а не доживёт до доски.

Прапорщик смотрел на меня несколько секунд, затем вытащил второй конверт из общей стопки и развернул к Бессонову.

— Семья номер два. Хозяйка Анна Сергеевна, взрослый сын Павел. Фамилию в разговоре не раскручиваем, к делу Аркадия их не пришиваем. Шестьсот обещано на ремонт кровли и сохранение дома. Двести пришли прямо. Четыреста списаны на оценку, юридическое сопровождение, обеспечение доступа подрядчика и технический надзор.

— Пять групп останутся на пяти адресах? — спросил я.

Бирюк вернул в стопку пустой запасной пакет.

— Четыре пойдут к другим семьям, пятая проверит исполнителей по тем документам, которые получит от первых четырёх. Вы с Бессоновым — семья номер два. Вход одновременно через сорок минут. Никто не получает времени предупредить соседа.

Он продиктовал группам новый порядок. Я слушал, как готовая схема меняется из-за одного физического вопроса: не только сколько получили, но что после услуг осталось в доме и кто туда приходил. Потом Бессонов забрал конверт и ключи от казённой машины.

— Я за рулём. Вы не входите первым, не обещаете ремонт и не называете сумму хищением. Если хозяева откажутся — разворачиваемся.

— А Фыр?

— Не обнюхивает людей до согласия и не объявляет виновного по сапогу.

Барсук спрыгнул со стула.

«Сапоги редко виноваты. Они только много знают».

Служебный автомобиль пах старой кожей и табаком предыдущего водителя. Фыр занял заднее сиденье, уткнулся носом в узкую щель окна и всю дорогу сообщал, чем живёт город за стеклом: печной гарью, мокрой штукатуркой, лошадьё, чужим супом, ещё одной лошадьё. Старый квартал начинался за сухим руслом канала. Дома здесь теснились фасадами к улице, прятали дворы за потемневшими воротами и держали гербы над подъездами даже там, где штукатурка падала целыми пластами.

— Двести тысяч на такую крышу хватит? — спросил Бессонов, сворачивая в переулок.

— На срочную заплату — возможно. На замену стропил и покрытия — вряд ли. Но это должен считать строитель, а не детектив по фотографии.

— Уже лучше. Вчера вы бы назвали точную цену, увидев один таз.

— Вчера у меня ещё не было барсука, который считает запахи лучше меня.

«И пироги».

— И обязательного финансового советника.

Дом семьи номер два стоял в глубине двора. Крыша просела посередине, словно сверху на неё навалился невидимый человек. Под водостоком собирали воду два оцинкованных таза. Третий сушился у крыльца вверх дном. Никакой штабель досок, мешки, лестницы или строительная телега двор не загромождали.

Бессонов не позволил мне сразу подойти к двери.

— Сначала общий вид.

Он снял фасад, просадку конька, тазы и дорожку вдоль стены. Земля хранила домашние следы: узкие подошвы, мужские ботинки, собачьи лапы. Широких вмятин от тяжёлых сапог и колёс возле крыльца не было, но недавний дождь мог стереть их быстрее всякой метлы.

— Не делаем вывод по грязи, — сказал я.

— Я ничего не говорил.

— Поэтому напоминаю себе.

Дверь открыл мужчина лет тридцати пяти в растянутом тёмном свитере. Сначала увидел форму Бессонова и напрягся, затем заметил конверт с номером программы.

— Павел? Инспекция магического розыска. Проверяем расходование средств фонда Академии. С вами и Анной Сергеевной можно поговорить добровольно? Осмотреть крышу — только с вашего разрешения.

Павел держал дверь наполовину закрытой.

— Из фонда?

— Нет.

Плечо у него опустилось.

— Тогда заходите. Мать на чердаке опять тазы переставляет.

Фыр переступил порог последним. В тесной прихожей висели старые пальто; эмалевая миска ловила воду прямо у стены. Павел провёл нас в кухню. На клеёчатой скатерти лежала картонная папка с печатью фонда, рядом — визитная карточка и два вскрытых конверта.

Я удержал Фыра возле двери.

— Задача: найти след названного представителя фонда на предметах и маршрут его движения по дому. Не искать ложь. Не решать, была ли услуга настоящей. Не лезть в чужие комнаты без приглашения.

«А чай?»

— Чай тоже не улика.

Павел хмыкнул и впервые посмотрел на меня без настороженности.

— Оценщик чай пил. Полтора часа. Других представителей фонда я не видел.

— Покажете, где сидел и что оставил?

Он дал согласие на съёмку. Бессонов включил камеру, записал время и имена без фамилии семьи в кадре, затем попросил Павла самому поднять визитку. Фыр обошёл стол, понюхал край папки, ножку стула и подоконник.

«Один чужой запах. Сидел здесь. Бумаги трогал. К окну подходил. Дальше не шёл».

— Фамильяр выделяет одного недавнего посетителя: стол, папка, стул, окно. Дальнейшего маршрута отсюда пока не находит. Это направление для проверки, не доказательство числа посетителей.

— Один оценщик, — подтвердил Павел. — Записал размеры со слов матери, посмотрел на крышу из двора и обещал передать подрядчику. Юрист прислал готовую форму почтой. Я подписал и вернул. Больше никто из этих людей внутрь не входил.

С чердачной лестницы спустилась невысокая женщина в тёмном платке. В одной руке держала пустой таз, другой придерживала поясицу.

— Инспекция? — спросила она, увидев камеру. — Если про крышу, лучше сразу наверх. Снизу она выглядит почти приличной.

Бессонов ещё раз получил её согласие. Анна Сергеевна повела нас по узкой лестнице. На половине пути пришлось передать таз Павлу; проход не позволял разойтись, ступени скрипели, штукатурка сыпалась с каждого касания плечом.

Чердак встретил запахом сырого дерева. Свет пробивался через две щели в кровле и ложился на пол белыми полосами. Под одной стоял таз, под другой расползалось тёмное пятно. Главную балку подпирали необструганный брус, прибитый наискось. Свежих досок, рулонов покрытия, банок со смолой и следов снятого настила не было.

— Подпорку я сделал, — сказал Павел. — Дерево купил на часть тех двухсот тысяч. Ещё заказал листы железа, но мастер отказался лезть наверх без замены двух стропил. Денег не хватило.

Анна Сергеевна коснулась ладонью потемневшей балки.

— Подрядчик приезжал однажды. Стоял внизу, голову поднял, сказал, что во вторник будет бригада. Три вторника прошло.

— Это тот же человек, который пил чай? — спросил я.

— Нет. Оценщик был в пальто и с папкой. Подрядчик — в рабочей куртке, приезжал после него. В дом не входил.

Один кухонный запах показывал только человека за столом. Павел только что назвал второго посетителя, который дальше двора не прошёл, и этим вовремя поставил носу границу.

— Фыр, отдельно чердак. Ищешь запах инструмента, свежих материалов и чужой работы. Отсутствие запаха не доказывает отсутствие визита внизу.

Барсук обошёл подпорку, сунул нос в щель между досками, чихнул от трухи и вернулся к Павлу.

«Брус трогал он. Железо у стены новое, тоже он. Чужой пилы здесь нет. Смолы нет. Много старой воды».

— На чердаке фамильяр не находит чужого инструмента и работ, кроме тех, что показал Павел. Подрядчик мог осмотреть кровлю снаружи — нос этого не отменяет.

Бессонов снял каждую щель, подпорку и сложенные у стены листы. Попросил Павла показать квитанцию за дерево и железо. Тот принёс бумаги из кухни; суммы вместе не доходили до двухсот тысяч — часть перевода ещё лежала на счёте для будущей работы.

Мы спустились. Анна Сергеевна поставила чайник, но Бессонов попросил сначала закончить объяснение, чтобы гостеприимство не смешалось с ответами.

— Фонд обещал шестьсот тысяч, — сказала она, усаживаясь у стола. — Двести пришли переводом. Остальное назвали услугами: оценка, юридическое сопровождение, обеспечение подрядчика и технический надзор.

— Что из этого произошло? — спросил я.

Она загнула один палец.

— Оценщик был. Сделал ли оценку — не знаю, копии мне не дали. Юрист прислал форму. Подрядчик посмотрел с земли и не вернулся. Надзор не приходил ни до него, ни после.

— Подписание всей помощи?

Павел достал из папки копию формы. В верхней строке стояло шестьсот тысяч, ниже — разбивка на прямой перевод и услуги. Под подписью Анны Сергеевны чернила расплылись в одном месте.

— Я отказалась сначала, — произнесла она. — Мне объяснили: либо подтверждаю весь пакет, либо двести тысяч тоже не перечислят и семью снимут с программы. Крыша текла уже тогда. Я подписала.

Павел положил рядом два письма.

— Я написал, что подрядчик не пришёл и надзора нет. На первое ответили: работы запланированы. На второе — что сомнения семьи ставят под вопрос дальнейшее участие в программе.

Бессонов снял письма, конверты, форму и банковскую выписку. Потом повернул камеру к Анне Сергеевне:

— Подтверждаете добровольно, что объяснение записано с ваших слов и документы переданы для копирования с вашего согласия?

— Подтверждаю. Только не пишите, будто мы получили шестьсот. Мы получили двести и страх потерять их.

Я разложил на столе четыре чистых листка и положил на каждый по предмету: визитку оценщика, юридическую форму, письмо про подрядчика, фотографию чердака на экране Бессонова.

— Оценщик физически приезжал. Это ещё не доказывает цену и качество оценки. Юридическая форма существует. Это не доказывает, что её подготовка стоила заявленных денег. Подрядчик появился один раз и работу не начал. Технический надзор не оставил ни визита, ни документа, ни результата. Три из четырёх услуг не дали обещанного результата, но все четыреста тысяч нельзя назвать украденными одной фразой.

— Почему нельзя? — Павел придвинул к себе письмо с угрозой снять семью с программы. — У нас же всё перед глазами.

— Потому что оценка и форма чего-то стоили. Подрядчик мог получить аванс и нарушить договор сам. Надзор мог составить документ, который до вас не довели. Чтобы назвать сумму пропавшей, нужны исполнители, счета, акты и подтверждение каждой работы. Сегодня мы доказали другое: отчёт говорит о четырёх оказанных услугах, а дом показывает одну частичную и три незавершённые.

Анна Сергеевна посмотрела на тёмное пятно над кухонным окном.

— Этого хватит, чтобы они вернулись к крыше?

Бессонов убрал камеру ниже, отделяя человеческий ответ от протокола.

— Я приложу требование сохранить помощь и не наказывать семью за обращение. Обещать ремонт сегодня не имею права.

— Хорошо. — Она встала и только теперь разлила чай. — Честное «не имею права» полезнее четвертого обещанного вторника.

Фыр получил блюдо воды, понюхал его и посмотрел на меня с упрёком.

«Дом мокрый. Почему вода ещё и в миске?»

— Для разнообразия эта не течёт с потолка.

Павел рассмеялся впервые за весь разговор. Смех ничего не исправил, но кухня перестала походить на комнату, в которой люди заранее ждут отказа.

Перед уходом я продиктовал Бессонову поправку для остальных групп:

— Спрашивать не только сумму. Кто приходил физически? Что осталось после каждого визита — работа, материал, документ? Что семья подписала и чем ей угрожали при отказе? Отдельно снимать обещанный результат и то, что можно увидеть на месте. Не считать отсутствие запаха доказательством отсутствия человека.

— Отправлю сейчас. — Он показал мне экран, но кнопку передачи нажал сам. — Четыре группы входят одновременно через две минуты. Пятая уже ждёт у реестра исполнителей.

Обратно мы ехали тем же кварталом. Теперь я замечал не гербы над облупленными фасадами, а лестницы, доски, жестяные заплатки — вещи, в которые деньги должны превращаться, если действительно доходят до дома.

Фыр уснул на заднем сиденье, положив морду на лапы. У въезда в Академию он открыл один глаз.

«Мы нашли убийцу крыши?»

— Нашли разницу между обещанной и прожитой помощью.

«Это длинное имя».

— Поэтому пока без имени.

Бирюк ждал у служебного входа. Рядом на подоконнике лежали шесть карточек; вторая была перевернута оборотом вверх. Он взял у Бессонова пакет с визиткой, письмами и копией формы.

— Остальные группы вошли. Результатов ещё нет.

Я перевернул вторую карточку лицевой стороной. Шестьсот тысяч снова выглядели целым обещанием, но теперь под числом стояли мокрый чердак, подпорка Павла, два письма и подпись, купленная страхом потерять двести.

— Аркадий спросил Кущина: «Сто из скольких объявленных?» Он делал то же, что мы сегодня: шёл к получателю, потому что отчёт не умеет показать текущую крышу.

— И получил ответ, за который мог нажить врага, — сказал Бирюк.

— Мы получили только первую семью. Одна карточка не создаёт схему.

— Зато меняет вопрос для остальных пяти.

Бессонов снял с доски чёрную папку фонда и положил рядом с пакетом документов.

— Возвращаемся внутрь. Вы рассказываете путь по шагам, я отделяю наблюдение от запаха. Потом ждём группы.

Фыр потянулся, прыгнул с сиденья и направился к двери раньше нас.

«Ждать лучше с пирогом».

— Сначала доска.

«Тогда крыша была не самой плохо устроенной вещью сегодня».

Я вошёл следом. За дверью оставались ещё пять непроверенных семей, а в руках Бессонова уже лежало первое доказательство того, что деньги фонда могли исчезать не из таблицы, а между обещанной работой и мокрым домом.

В кладовой Бессонов разложил добытое по четырём отдельным опорам: согласие семьи, документы фонда, наблюдаемое состояние дома и запаховый маршрут Фыра. Я повторил путь от карточки до мокрого чердака, а инспектор каждый раз останавливал меня там, где вывод забегал дальше факта.

— Посетитель пил чай и касался папки, — произнёс он, снимая визитку с доски. — Это подтверждают хозяева и фамилляр. Подрядчик стоял во дворе — только слова хозяев. На чердаке видны работы Павла и купленные им материалы. Всё остальное проверяется отдельно.

— Отчёт называет четыре оказанные услуги. Дом показывает одну частичную, две не завершённые и одну пока только бумажную.

— Так и оставляем. Без слова «украдено» до счетов исполнителей.

Бирюк провёл карандашом две линии. Первая соединила фонд с карточкой семьи. Вторая остановилась у реестра подрядчиков, не дойдя ни до Смольцевой, ни до Аркадия.

— Ваша поездка изменила вопрос, — сказал он. — Не ответ. Четыре группы уже получили поправку, пятая проверяет исполнителей. Результаты придут не раньше, чем люди успеют войти, посмотреть и задать вопросы без подсказки.

Фыр положил подбородок на край стола.

«Люди медленные. Пирог остывает быстрее».

Бирюк снял карандаш с доски и положил поперёк незаконченной линии.

— На сегодня вы достаточно посмотрели на чужую крышу. Идите в столовую, пока ваш свидетель не начал добывать показания из дверей.

Барсук оказался у выхода раньше меня.

До столовой мы дошли почти бегом. В длинных окнах уже гасили свет один ряд за другим. Нина Матвеевна открыла служебную дверь на ширину плеча и сперва посмотрела на меня, затем опустила глаза к Фыру.

— Закрыто. Поварихи ушли, кассу сняла.

Глава 2

Барсук втянул живот, прижал уши и пошатнулся на лапах.

«Я умираю. Пусть женщина знает».

— У меня дело крайней срочности, — сообщил я. — Фамильяр угрожает вторым убийством и уже выбрал жертвой дверь.

— Артист, — Нина Матвеевна сказала это барсуку и исчезла внутри.

Вернулась с вчерашним мясным пирогом, поставила его на тарелке в печь и дождалась, пока начинка прогреется. Запах лука и мяса прошёл через щель. Фыр перестал умирать, поднялся на задние лапы и положил передние на косяк.

Нина Матвеевна завернула пирог в серую бумагу. Я потянулся за телефоном, но она хлопнула ладонью по стойке.

— Уберите. Утром всё равно списывать.

— Тогда запишите долг на род Вязьминых. У рода как раз освободилось место между банком и Академией.

— Я бухгалтер и сама решу, что дешевле: выбросить пирог или спасти дверь от барсука. Найдите убийцу — и будем в расчёте.

Обещать раскрытие за еду означало продать самую дешёвую ложь за весь день.

— Сделаю всё, что выдержат факты. Пирог всё равно верну — деньгами или новым пирогом.

Она посмотрела мне в лицо, приняла формулировку и закрыла дверь.

На ступенях Фыр вцепился зубами в бумагу, добрался до начинки и обжёг язык. Отпрянул, сердито зафыркал и через секунду снова напал на пирог с другого края.

«Он напал первым».

— Именно так и запишем. Самооборона от выпечки.

Телефон завибрировал. Хорь прислал новый слух: судебные расходы Гурьевых оказались выше обычного, а в прошлом году отцу помогало некое частное лицо. Имя приятель ещё не называл, документов не видел.

Я ответил: «Слух. До завтра не выясняй. Моё имя не называй». Затем подписал отдельным сообщением: «Деньги позже».

Почти сразу пришёл перевод — первый рубль за закрытое дело Хоря. В назначении Тимофей написал: «Сыскные услуги. Угроза отчисления».

Фыр доел горячую корку и посмотрел на экран через моё внимание.

«Теперь ты настоящий».

— Настоящий частный сыщик с одним рублём, чужим пирогом и лицензией, которой пока нет.

Над крышей общежития сделал круг Мом. Никакого условленного сигнала: ворон просто закончил доступную ему работу, увидел нас во дворе и ждал собственного ужина.

— Домой, — я кивнул в сторону общежития.

Фыр поднял морду, прислушался к чему-то под моей рубашкой и сел поперёк дороги.

«Сначала к сердитому человеку. В кармане бумага Дениса».

Записка лежала у груди второй день и успела стать слишком привычной для вещи, которую я не имел права носить. Соскоб сургуча сделал её уликой с повреждённым краем и моей фамилией в цепочке хранения.

— К Бессонову. Потом домой.

«Ты снова двигаешь еду».

— У тебя еда сейчас во рту.

Фыр ускорился, не принимая формального возражения.

Бессонов встретил нас у поста охраны. Нагрудная камера уже горела красным, на стойке лежал раскрытый бумажный конверт и чистый лист.

— Остановились на линии. Показывайте руки.

Я поднял ладони и развернул их к объективу. Инспектор назвал время, номер камеры и состояние прозрачного файла, затем позволил мне вынуть записку и опустить её на белую бумагу.

— Край сургуча повреждён мной при соскобе образца для Тропинина, — произнёс я для записи. — После получения держал во внутреннем кармане, посторонним не передавал. Нарушение цепочки хранения признаю.

— Записано. — Бессонов завернул лист, поставил номерную печать и убрал пакет в нагрудную сумку. — Теперь пойдём проверять вашу наглость ногами.

— У меня их накопилось несколько. Которая сегодня удостоилась проверки?

— Просьба сопоставить проходы перед экзаменом. Бирюк разрешил открыть журналы при мне. К терминалу не прикасаетесь, страницу не листаете, соседние фамилии не читаете.

Он провёл нас в архивный коридор. У турникета горел зелёный считыватель, в трёх шагах стояла стойка дежурного с толстой бумажной тетрадью. Над стойкой висел чёрный купол камеры; сбоку уходил узкий проход к пожарной двери.

Бессонов показал мне собственную карту, приложил её к считывателю и дождался щелчка замка.

— Время входа.

Я посмотрел на секунды.

— Двадцать ноль шесть и четырнадцать.

Инспектор прошёл от турникета к стойке обычным шагом, снял правую перчатку, нашёл чистую строку и расписался. Затем поднял голову.

— Теперь время.

— Двадцать ноль шесть и пятьдесят одна. Между электронной отметкой и подписью тридцать семь секунд.

— Обычный человек укладывается в минуту, даже если сначала снимает перчатку. — Бессонов положил линейку поверх тетради, закрыв соседние фамилии, и развернул страницу ко мне. — Вот так выглядит двойная фиксация одного входа.

Он поднял планшет. Электронный журнал показывал те же секунды: карта Бессонова, доступ разрешён. Затем инспектор прокрутил запись на два дня назад, ко времени перед экзаменом.

На экране высветилось: «21:47:32 — карта Смольцевой — доступ разрешён».

В бумажной тетради последней строкой того вечера оставался Клёнов: восемнадцать ноль две. После него чистая бумага. Ни фамилии Смольцевой, ни другого позднего посетителя.

— Карта вошла, человек не расписался, — сказал я и положил палец на стол рядом с пустой строкой.

— Точнее. Карты сами не ходят, а лица журнал пока не показывает.

— Действительная карта Смольцевой открыла эту дверь в двадцать один сорок семь тридцать две. Кто держал её в руке, неизвестно. Бумажной подписи нет. Электронной отметки о выходе тоже нет.

— Теперь факт выдерживает ваше выражение лица.

Фыр обошёл стойку и понюхал деревянную ножку, низ стены и край турникета.

«Холодная женщина. Запах старый. Клёнов. Рыба. Много обуви, много рук».

— Место никого не отделяет, — перевёл я. — Здесь ходили Смольцева, Клёнов и десятки людей. Ещё кто-то приносил рыбу.

— Барсуку поставьте плюс за отказ выбрать удобный запах, — Бессонов закрыл тетрадь ладонью. — Себе держите четыре версии. Первая: Смольцева вошла и не расписалась. Вторая: добровольно дала карту другому. Третья: карту взяли без её согласия. Четвёртая: дежурный по небрежности пропустил бумажную запись.

Я поднял голову к чёрному куполу.

— Камера должна отделить лицо от карты.

— Запись проверяет отдельная группа Бирюка. До просмотра мы не дорисовываем кадр в собственной голове.

За спиной щёлкнул замок. Бессонов приложил карту к считывателю на выходе, прошёл обратно к стойке и снова снял перчатку. Ручка легла над следующей чистой строкой.

— Зачем повтор?

— Вот так выглядит обычный выход, — Бессонов постучал ногтем по двум строкам, появившимся с разницей в тридцать секунд. — Электронная система увидела мою карту, бумага получила подпись. В ту ночь карта Смольцевой вошла одна. Пары у неё до сих пор нет.

Фыр прошёл от турникета к стойке тем же маршрутом, которым только что двигался инспектор. Возле тетради остановился, втянул воздух, вернулся к считывателю и вместо второго круга свернул в боковой коридор. Там он сел, повернувшись мордой к старой пожарной двери.

«Отсюда человек может уйти, не подходя к бумаге».

Я встал так, чтобы видеть и стойку, и тёмный прямоугольник выхода. Нажимная планка открывала дверь изнутри, а наружный считыватель в этом пути не участвовал.

— Если пользователь вышел через пожарную дверь, — сказал я Бессонову, — электронного выхода тоже не будет. Останется только вход по карте и пустое место в журнале.

Инспектор поднял взгляд к чёрному куполу камеры, затем проследил направление до бокового коридора.

— Поэтому Бирюк запросит локальную память замка и двор. Замечание сделал зверь, проверять будут люди. Так следствие не превращается в кружок толкования барсучьих запахов.

— Фыр ценит признание заслуг, даже если вы его тщательно прячете.

Бессонов развернул тетрадь к лампе. Он сфотографировал нужный участок целиком, затем снял отдельно строку Смольцевой и пустое место под ней. Копию вложил в прозрачный пакет, прогладил клапан большим пальцем и поставил печать. Оригинал вернулся в металлический шкаф поста; дверца закрылась тяжело, с двойным щелчком.

— Клёнову запрос не показываем, — сказал инспектор, проверяя замок. — Он каждый день работает с электронным журналом и тетрадью, поэтому мог увидеть разрыв раньше нас. Ратникову о карте не говорите. Смольцевой тем более. Любой случайный вопрос подарит человеку время придумать удобный ответ.

— Тогда находка уходит Бирюку как ваша проверка по моей наводке.

— Именно так. Вы пока студент без лицензии, которому разрешено думать, но запрещено оставлять самовольные следы. Если кто-нибудь захочет убрать вас из дела, первым подарком противнику станет ваше имя возле незаконно открытого журнала.

Бессонов взял со стойки мой телефон. Всё время проверки аппарат лежал экраном вниз, и даже Фыр не подходил к нему ближе шага. Инспектор протянул его мне, но пальцы разжал только после того, как я убрал руки от тетради.

— Теперь у вас открывается другая дверь. Полинцева согласилась прочитать медицинский пакет после проверки разрешения. Если решит отказать, услышите это от неё лично и не станете торговаться.

Из нижнего отделения сейфа он вынул пронумерованную папку и тёмный блокнот Аркадия. Рядом лежала заверенная копия письма. На расписке стояли подписи Полины и Терехова: семья позволяла изучать записи до завтрашнего дня, а оригинал блокнота требовала вернуть лично.

Фыр тут же поднялся на задние лапы и потянулся носом к клапану. Бессонов поставил поперёк папки карандаш, и барсук с достоинством опустил его обратно.

— Здесь описано тело человека, а не пирог. Нос держите снаружи.

«Пирог пахнет честнее».

— Фамильяр считает медицину подозрительной наукой.

— Пусть подозревает из коридора лаборатории. Там ему самое безопасное место.

Я проверил номера листов по расписке. Бессонов удерживал последнюю строку указательным пальцем, пока я не назвал вслух все двенадцать.

— Полинцевой показываете только медицинский пакет. Блокнот и письмо остаются в рюкзаке. Сегодня вы проверяете одну версию у одного специалиста, а не бросаете на стол все найденные тайны и не ждёте, какая сама сложится в убийцу.

— Что будет с разрывом в журнале?

Он коснулся костяшкой закрытого шкафа.

— Никуда не денется. Если медицина подтвердит, что Аркадий умер иначе, чем описывает сорванный вызов, карта без лица станет тяжелее. Если прежняя версия выдержит проверку, карта останется важной, но по другой причине. Пусть каждый факт сначала заработает свой вес.

Фыр тем временем нашёл под стойкой скрепку. Подцепил её когтем, взял зубами и положил Бессонову на носок начищенного ботинка.

«Теперь он тоже нашёл имущество законно».

Инспектор наклонился, поднял скрепку и положил возле карандашей.

— Барсуку записываем второй плюс. Вам — двенадцать листов под ответственность и одна чужая жизнь в кожаной обложке. Не перепутайте, что из этого тяжелее.

Медицинский пакет я убрал в отдельное отделение рюкзака, блокнот и письмо — в другое. Сейф захлопнулся раньше, чем взгляд снова потянулся к пустой строке журнала. Бессонов проводил нас до турникета, дождался зелёного сигнала и остался у стойки, уже вызывая по рации человека для проверки пожарного выхода.

Лечебное крыло находилось через два перехода. На пятидесятом шаге желудок напомнил, что завтрак всё ещё существует только в планах; на сотом вода из лужи добралась через шов правого ботинка к носку. Папка Бессонова ударяла по спине в одном ритме с шагами, и каждый удар возвращал мне число листов.

Фыр догнал возле стеклянной галереи и ткнулся носом в рюкзак.

«Внутри бумага про мёртвого. Пирога нет».

— Сначала живой человек объяснит, что бумага говорит. Потом найдём еду.

Барсук обошёл лужу, в которую я уже успел наступить.

«Ты всегда ставишь еду после смерти».

— Мёртвые плохо переносят очередь. У них сразу портится настроение.

У стойки лечебного крыла дежурила Нина Сомова. Она увидела рюкзак с пломбой, вышла из-за стола и закрыла проход собой. Одна ладонь раскрылась передо мной, другая осталась на створке низкой тумбы.

— Разрешение и номер пакета.

Я положил телефон ей в руку, назвал номер. Пока Сомова сверяла подпись Бирюка со служебным списком, Фыр решил, что человеческая проверка его не касается, и обогнул стойку по стене.

Сестра закрыла створку тумбы прямо перед его носом. Фыр остановился в одном пальце от дерева и поднял на неё взгляд.

— Зверь остаётся здесь, — сказала Сомова. — Лаборатория не место для шерсти, когтей и личного мнения.

«Она перегородила дорогу мебелью. Уважаю».

— Он согласен охранять стойку, если вы сообщите время открытия столовой.

— Столовая закрылась.

Фыр развернулся и сел к ней спиной, всем телом показывая, что дипломатические отношения приостановлены.

— Тогда он останется ради права осуждать нас обоих.

Сомова вернула телефон, ещё раз проверила пломбу на рюкзаке и нажала внутреннюю связь.

— Полинцева, к вам Вязьмин с пакетом Инспекции и оскорблённым барсуком. Да, разрешение есть. Пломба совпадает. — Она выслушала ответ и показала на третью дверь. — Проходите один. Если понадобится фотографировать любой лист, телефон останется у меня, а снимок делает Полинцева на служебный аппарат.

— При моём остатке денег телефон сам готов остаться на государственном содержании.

Уголок её рта дрогнул, но Сомова освободила проход лишь после того, как Фыр лёг у ножки стойки и положил морду на лапы. Из лаборатории донёсся короткий гул, затем щёлкнула крышка центрифуги.

— Заходи, раз пришёл, — отозвалась Даша из-за приоткрытой двери. — И руками любопытство не выражай.

Я вошёл, дождался, пока дверь мягко закроется за спиной, и остановился перед красной полосой на полу.

Длинный металлический стол был занят самой обыкновенной работой. В штативе стояли пробирки с кровью, ожидая следующего запуска центрифуги; на мониторе тянулась таблица биохимии, рядом лежали распечатанные кривые кардиограмм, механический таймер и коробка тонких перчаток. Приборы не выглядели магическими. Они измеряли сахар, белок, газовый состав крови, частоту сокращений — земные последствия всего, что человеческий дар успевал сделать с телом.

Даша стояла ко мне спиной и сверяла номера на пробирках с бумажным журналом. Каждую пару произносила себе под нос. На одной строке остановилась, проверила цифру на стекле,

зачеркнула ошибку одной линией, вписала правильную и поставила рядом подпись. Только после этого стянула перчатки.

Белый халат поверх форменной блузки был велик ей в плечах и собирался на спине складкой — одежду выдавали по простому принципу: белая, застёгивается, значит подходит. Рукава Даша подвернула до локтей. На левой скуле темнело пятнышко синего маркера, оставшееся там, где она машинально потёрла лицо. Русые волосы держались в небрежном узле, у виска выбилась прядь. Закушенная нижняя губа означала, что комнату она слышит, но отвечать начнёт только после завершённой строки.

Я дождался, пока Даша поставит время и защёлкнет крышку штатива.

— Теперь можно поздороваться?

Она обернулась так резко, будто не сама велела мне войти.

— Вязьмин. — Последняя перчатка слетела с пальцев и щёлкнула резинкой о запястье. — Ты представляешь, сколько раз за сегодня меня спрашивали про твоё дело? Пять. Пять человек, включая моего научного руководителя. Он почти прямым текстом велел держаться от тебя подальше до конца следствия.

— А тыпустила.

— Любопытство оказалось сильнее послушания. Профессиональный порок целителей: съём нос туда, где по всем правилам надо молчать и заполнять форму.

Даша бросила перчатки в контейнер, сложила руки на груди и осмотрела меня с той же дотошностью, с какой только что сверяла пробирки. Взгляд задержался на впалых щеках, мокром ботинке, рюкзаке и вернулся к лицу.

— Ты весь день не ел и спал часа три. Это диагноз, Лев, а не комплимент.

— Диагноз точный. Разговор у меня начинается с одного признания и одной просьбы.

— Начни с признания. Просьбы от тебя опаснее.

Голос у неё был низким, слегка хриплым после длинного дня. К концу фразы слова чуть растягивались — привычка города, где половина жителей работала на фармацевтических заводах и говорила медленно, чтобы собеседник не перепутал название лекарства.

Я снял рюкзак, но не открыл.

— У меня копия протокола вскрытия Аркадия Гурьева-Долгина с закрытыми личными данными и разрешённые приложения. Бирюк выдал их для устной консультации. В основной версии сердце остановилось из-за сорванного вызова. Я думаю, тело с этой версией спорит. Мне нужен человек, который прочтёт данные профессионально и скажет, где именно.

Сначала я разблокировал сообщение Бирюка и положил телефон на чистый край стола, не пересекая красную полосу. Даша прочитала разрешение дважды. На второй строке её лицо стало жёстче.

— Здесь сказано: «устная консультация в пределах предоставленных материалов». Это не доступ к нашей медицинской карте, не разрешение поднимать оригинальные снимки и не повод обсуждать пациента в коридоре. Внутреннюю систему при тебе я даже не разблокирую.

— И правильно.

— Если этих листов мало, ответ будет «данных недостаточно». Ты не получишь «скорее всего», «по ощущению» или фамилию, которая удобно встанет в твою версию.

— Честное «недостаточно» сэкономит мне ложный шаг.

Даша хмыкнула и протянула руку.

— Все любят недостаточность, пока она не мешает любимой разгадке. Показывай.

Глава 3

Двенадцать медицинских листов должны были либо убить красивую версию, либо дать ей тело. Я снял пломбу с разрешённого отделения и достал пакет: протокол, чёрно-белые снимки глазного дна, два среза компьютерной томографии, таблицу лабораторных показателей и копию кардиограммы с закрытыми персональными полями. На каждой странице стоял номер запроса, поперёк шла синяя полоса: материал нельзя использовать как самостоятельное экспертное заключение.

Даша приняла пакет, но клапан оставила закрытым.

— Фотографии на твоём телефоне сохранились?

— Бирюк заставил удалить при нём. Здесь двенадцать учтённых листов, вернуть должен каждый.

Она кивнула на второе отделение рюкзака.

— А в другом чехле что?

— Блокнот Аркадия и копия осмотренного письма. К мотиву они относятся, к физике смерти пока нет. Мы не смешиваем почерк с тканями.

— Уже лучше, чем я ожидала.

Даша не открыла пакет и не отвела взгляд.

— Даже с разрешением ты просишь меня выйти за обычную роль практикантки. Термины я объяснить могу. Официальный вывод даёт эксперт, назначенный постановлением. Между этими вещами лежат чужая медицинская тайна, моя ротация и фамилия человека, который умер десять дней назад.

— Понимаю. Поэтому прошу отделить данные от чужой трактовки и принёс копию, а не предложил залезть в систему. Если консультация создаёт риск для тебя, отказывай. Я унесу пакет.

— Красиво разрешаешь отказаться. Что сделаешь потом?

— Верну всё Бирюку и потребую официальную повторную экспертизу. Потеряю сутки или двое, возможно, усадьбу раньше. Но твоё согласие в этот срок не включу.

Она смотрела, проверяя, не спрятал ли я давление в упоминании дома. Я оставил рот закрытым. Цена принадлежала мне; заставить Дашу заплатить ею вместо меня было бы самым быстрым способом потерять право просить ещё раз.

— Тогда встречная обязанность будет точной, — решила она. — Ты не цитируешь меня как эксперта и не называешь объяснение готовым диагнозом. Найдёшь противоречие — несёшь Бирюку как основание для официальной проверки. Завтра после занятий помогаешь поднять обезличенные карточки осложнений после ментального воздействия за последние три года. Руками. Их сорок семь, а руководитель считает, что практиканты питаются электричеством.

— Сорок семь карточек за один разговор?

Даша взялась за пакет и отступила к шкафу.

— Можешь уходить. Сомова ещё не успела заскучать по твоему барсуку.

— Принимаю сорок семь.

— Тогда можешь остаться.

Она развернула протокол на свободной части стола, усилила рабочую лампу и пододвинула коробку тонких прозрачных файлов.

— Каждый лист после чтения возвращаем в свой чехол. Номера в конце сверяем вместе. Ты ничего не перекладываешь без моей руки.

Даша начала с титульного листа. Документы двигались слева направо только после того, как она проверяла подпись, время и номер. Я знал такую работу: быстро истину находят в плохих сериалах. В лаборатории сначала выясняют, кто смотрел тело, когда взяли материал, совпадают ли номера и имел ли автор право видеть то, о чём написал.

— Фамилию эксперта запомнил?

— Руденко. Илья Семёнович, штатный эксперт Инспекции.

Она подняла глаза поверх листа.

— Только что говорил, что специально не запоминал.

— Ты убедительно объяснила, почему стоило вспомнить.

— Удобная у тебя память.

— Рабочая. Удобная сохраняла бы только приятное.

Даша сверила время первичного осмотра со временем вскрытия и записала на отдельном листке два числа. Лист оставался её черновой арифметикой, к материалам дела отношения не имел.

— Тело обнаружили утром, вскрытие начали через семь часов. Температура помещения есть, посмертные изменения описаны. Для начала терпимо. Дай снимок пальцев.

Я назвал номер нужной страницы. Даша сама вынула её, поставила настольную лупу и рассмотрела подушечки большого, указательного и среднего пальцев правой руки. Потом вернула снимок к лампе.

— Эксперт написал: «термический ожог второй степени, вероятно возникший при неконтролируемом выбросе во время экстренного вызова». На каком признаке кожи держится слово «вероятно»?

— Тело лежало возле Печати Допуска, пальцы были обожжены.

— Это место и обстоятельство. Я спрашиваю про реакцию тканей.

Я перечитал абзац под фотографией.

— Тогда ответа здесь не вижу.

— Потому что его почти нет. — Даша провела ногтем вдоль строки, не задевая изображение. — У живого человека сосуды отвечают на ожог: появляется отёк, красная кайма, пузырь с белком в жидкости, воспаление в глубине ткани. После смерти поверхность темнеет и сворачивается, но организм уже не защищается. Здесь края ровные, ткань сухая, пузыряей эксперт

не описал. Гистологию брали, однако результат в вывод не перенесли. Смотри приложение: «лейкоцитарная инфильтрация по краю повреждения не выявлена».

— Переведи для человека, который прогуливал биологию ради слежки за бухгалтером.

— Тело не успело ответить на ожог. Повреждение возникло прямо перед смертью, когда реакция ещё не развилась, либо уже после. Разницу дают микроскопия и время. Эксперт микроскопию имел, а причину написал так, будто почерневшие пальцы сами рассказали ему про вызов.

Холод под рёбрами появился раньше мысли. Чужая небрежность дала трещину, через которую в дело вошла новая возможность.

— Значит, пальцы обожгли после смерти.

Даша подняла указательный палец между мной и снимком.

— Стой. Ты получил две возможности и выбрал удобную. Я сказала: повреждение не показывает нормальной прижизненной реакции. Для фразы «после смерти» нужны оригинальные стёкла, глубина коагуляции и мнение судебного гистолога. Пока у тебя основание подозревать посмертное нанесение. Глагол «доказал» хранится в другом шкафу.

— Принял границу. Сам сорванный вызов мог оставить такой рисунок?

— Забудь учебные плакаты с красивыми кругами. Во время срыва человек хватается по-разному, отдёргивает руку, теряет сознание. Рисунок бывает любым. Важнее другое: протокол не описывает повреждения глубже кожи, на ладони ожогов нет, следов судорожного сжатия предмета тоже. Три подушечки словно прижали к одной горячей плоскости. Чтобы получить такую картину в момент вызова, Аркадий должен был умирать очень дисциплинированно.

— Он дисциплиной не отличался.

— У тебя сейчас характеристика человека, у меня кожа. Слои держи отдельно.

Она вернула фотографию в прозрачный файл и придвинула кардиограмму. Полосу сняла бригада после обнаружения тела: почти ровная линия с редкими помехами подтверждала только, что реанимацию начали поздно.

— «Остановка сердца» — итог, а не причина смерти, — сказала Даша. — Сердце останавливается у каждого умершего. Здесь должны назвать механизм: инфаркт, смертельную аритмию, травму, отравление, тяжёлый обменный сбой. Коронарные сосуды свободны, тромба нет, старого рубца на сердечной мышце нет. Калий нормальный с поправкой на время забора, обычная токсикология чистая. Резкое нарушение ритма возможно, но документ не отвечает, что его запустило.

— Сорванный вызов мог?

— Мог. Как сильный страх, приступ, удушение, удар по голове, врождённая электрическая нестабильность сердца. Некоторые лекарства не попадают в стандартную панель. Список длинный. Медицина не печатает имя убийцы. Иногда она только убирает одну красивую легенду и оставляет тебе несколько некрасивых.

Рука потянулась к рюкзаку, где лежал блокнот Аркадия, и остановилась на ремне. Я сам попросил Дашу о точности. Торопить специалиста, пока он ещё не закончил, значило бы требовать удобства вместо неё.

Даша положила рядом снимок глазного дна и таблицу вскрытия. Под лампой проступили два бледных круга сетчатки с мелкими тёмными точками.

— Вот что меня беспокоит сильнее. Точечные кровоизлияния на сетчатке обоих глаз и мелкие субарахноидальные кровоизлияния. Крупного разрыва сосуда на томографии нет, травмы черепа нет, шея цела, длительное удушение эксперт не описывает.

— В заключении их связали с сердечной недостаточностью.

— Связали словами. Где физический мост? Резкий подъём давления мог повредить мелкие сосуды. Сильный судорожный приступ мог. Короткое кислородное голодание тоже. Тело могло пережить предельную перегрузку вегетативной нервной системы: выброс гормонов

стресса, скачок давления, срыв ритма. Это обычные процессы. Дар способен их вызвать, но прибор увидит кровь, давление и повреждённый сосуд. Сам дар на снимке не лежит.

Она постучала ногтем по двум строкам лабораторной таблицы.

— Лактат повышен. Ферменты мышечного стресса тоже. Перед остановкой сердца тело работало на пределе. Но цифры не говорят, кто довёл его до предела. Бег, удушье, приступ и сопротивление чужому ментальному нажиму могут дать похожую часть картины.

— Значит, ментальное воздействие подходит.

— Среди нескольких причин, — Даша придвинула толстый справочник и раскрыла раздел об осложнениях человеческих Путей. — На ротации я видела троих после незаконного ментального принуждения. У женщины лопнули капилляры в глазах и сутки держалось давление. У мужчины началась аритмия. Третий перенёс судороги. Ни на одном снимке прибор не написал «менталист». Историю воздействия установили показаниями, обстоятельствами и признанием нападавшего. Медики лишь подтвердили, что повреждения с этой историей согласуются.

— С историей сорванного вызова Аркадия они согласуются хуже?

Даша вернулась к снимку пальцев, снова проверила приложение с гистологией, затем сопоставила две строки лабораторной таблицы. Вопрос заставил её пройти весь путь заново, а не ответить из памяти.

— Хуже. Для заявленной версии здесь мало живой реакции на ожог и телесной картины самого срыва. Зато есть сосудистая и нервная перегрузка, которую автор заключения назвал, но не объяснил. Я бы потребовала повторную судебную экспертизу. Отдельно спросила бы о времени ожогов и возможном воздействии на центральную нервную систему.

— За этим я и пришёл.

— Тебе всегда нужно больше, чем обещает первая фраза.

— Профессиональная деформация.

— У профессионала хотя бы лицензия есть.

Удар лёг точно. Я принял его кивком.

— Поэтому вопрос подпишет Бирюк. Я принесу ему основание.

Защитная жёсткость в её лице ослабла. Ладонь всё равно осталась поперёк документов, отделяя их от моего рюкзака.

— Записывай тремя строками. Первая: характер повреждений пальцев плохо согласуется с прижизненным ожогом при сорванном вызове; вопрос о посмертном происхождении требует отдельной гистологической оценки. Вторая: остановка сердца названа итогом, причина не установлена. Третья: микрокровоизлияния вместе с признаками острой вегетативной перегрузки совместимы с интенсивным воздействием на сознание, но сами его не доказывают и не отличают от нескольких других острых состояний.

Я записал каждую строку на отдельном листе, затем прочитал Даше вслух. В третьей фразе поймал себя на слове «указывают».

— «Совместимы» оставь, — она сразу коснулась карандашом ошибочного глагола. — «Указывают» зачеркни. Указывает палец. Данные ограничивают круг объяснений.

Я перечеркнул слово одной линией, сохранив его видимым.

— Тогда ищем человека, который способен перегрузить нервную систему и потом изобразить сорванный вызов.

— Ты ищешь. Я показала, почему прежнее объяснение нуждается в повторной проверке. Не назначай мою осторожность соучастником своей версии.

— И всё-таки менталистика?

Даша выдохнула, посмотрела на закрытую дверь и заговорила тише. За стеной Фыр влажно вылизывал лапу, Сомова перелистывала журнал; в лаборатории остались гул вентиляции и её низкий голос.

— Интенсивное ментальное принуждение — рабочая гипотеза. Сильная, если у тебя есть отдельные основания считать, что Аркадия заставляли замолчать. Но сила воздействия не записывается в крови именем человека. Попытка внушения, сорвавшаяся из-за паники и сопротивления, может дать ту же телесную цену, что намеренная атака.

— Мне нужна формулировка, за которую завтра не будет стыдно перед Бирюком.

— Тогда говори без украшений. Смерть Аркадия совместима с острым воздействием на центральную нервную систему незадолго до остановки сердца. Ментальное принуждение человеческим даром объясняет находки лучше простой версии сорванного вызова. Повреждения пальцев могли нанести отдельно ради инсценировки, однако время обязан установить повторный эксперт. На этом точка.

Я записал дословно. Осторожная фраза весила больше готового обвинения: каждое слово отмечало предел, через который Даша не позволила перепрыгнуть.

— Спасибо.

Она собрала листы в стопку, проверила номера сначала сверху вниз, потом в обратном порядке и прижала тяжёлой подставкой для штатива.

— Благодарить будешь после следующего отказа. Сейчас ты попросишь список людей с подходящим даром.

— Попрошу.

— И не получишь. Медицинская специализация не даёт мне права раскрывать чужие аттестации. К тому же список станет ложью в момент составления: один скрывает дополнительную подготовку, другой способен на сильный разовый выброс, третий официально числится менталистом, но за десять лет не заставил бы кота слезть со стула.

— Фыр подтверждает, что кот — трудная цель.

Даша прислушалась к влажному чавканью за дверью.

— Фыр сейчас вылизывает лапу и не уполномочен оценивать котов. Его мнение подождёт.

Я слышал то же и не стал спорить. Вместо списка фамилий требовался наблюдаемый навык.

— Тогда сузим круг не по именам, а по возможностям. Какое умение могло оставить такую картину?

— Нужен человек, способный управляемо давить на сознание и вызвать тяжёлую реакцию тела, — сказала Даша, удерживая ладонь на раскрытом протоколе. — На учебных дуэлях прямое принуждение запрещено, поэтому старшие иногда маскируют давление внутри проявления: сбивают внимание, подсовывают ложный шаг, заставляют противника дрогнуть в нужную секунду. Это определяет навык, Матвей. Намерение по такой картине не читается.

— Такое давление действительно способно закончиться тем, что лежит перед нами? — Я коснулся краем карандаша строки о кровоизлияниях, но Даша тут же накрыла её пальцем, не позволяя превратить вопрос в готовый ответ.

— Три обмена под преподавательским надзором обычно заканчиваются головной болью, выговором и жалобой кафедре. Перенеси тот же приём в сырой подвал, добавь злость, энергетик, бессонную ночь и человека, который не умеет вовремя остановиться, — учебная глупость отправит противника в реанимацию. Опытный менталист против неподготовленного рискует ещё сильнее. Только не хватайся за эту возможность как за будущую разгадку: я описываю предел воздействия, а не называю убийцу.

— А официальные специалисты? Их круг можно установить?

Даша отодвинула снимок глазного дна, чтобы я видел её лицо, а не искал там удобную фамилию.

— Официальных проверяет Бирюк. В Академии есть преподаватели, сотрудники дознания, несколько старших студентов с допуском. Я тоже умею входить в контакт с сознанием

пациента, когда снимаю болевой шок. Мой профиль строится на согласии и удержании, а не подавлении, но проверить меня всё равно придётся. Дежурство той ночью отмечено проходом по карте, листом назначений, камерами процедурной и подписями двух сестёр. Если собираешь круг людей с возможностью, поставь мою фамилию рядом с остальными и проверь теми же мерками.

Даша пододвинула чистый лист, взяла мой карандаш и первой написала: «Полынцева. Дежурство: карта, назначения, камеры, две сестры». Затем положила карандаш передо мной. На чашу проверки она встала сама, прежде чем я успел устроить удобное исключение для девушки, которая нравилась.

— Поставлю. Спрошу время, доступ и подтверждение дежурства.

— Правильный ответ.

— Смольцева входит в круг по подготовке, которую даёт её должность.

— Входит. Как Тропинин, который сдавал ментальную защиту и ответное давление ещё до твоего рождения. Как несколько инспекторов. Как старшекурсники, чьи дисциплины я разглашать не стану. Навык соединяется с доступом, временем и мотивом; медицинский протокол ни одну фамилию красным не подчеркнул.

Я провёл карандашом вокруг трёх условий в протоколе. Лист с фамилией Даши оставил рядом, первой строкой будущего круга проверки.

— Значит, прежний круг размером со всю Академию сузился до тех, кто умеет давить на сознание, мог добраться до Аркадия и располагал возможностью скрыть последствия.

— Да. На этом остановись. — Даша постучала ногтем по столу возле карандаша. — Следующий шаг должен принести независимый факт, а не ещё одну умную формулировку, которая сделает прежнюю версию красивее.

Уголок её рта дрогнул. Одобрение досталось мне ровно за одну реплику; следующей Даша уже вернула начинающего сыщика на землю.

— Для студента без лицензии рассуждаешь терпимо. Пока сам вычёркиваешь слова, на которых хочется поймать виновного.

Она коснулась перечёркнутого «указывает». Единственная черта сохраняла мою ошибку видимой.

— Буду носить лист как свидетельство медицинского надзора за самоуверенностью.

— Носи. — Даша закрыла папку, однако убирать её не стала. Обошла стол и двумя пальцами ухватила меня за рукав у локтя. Ткань собралась в складку, рука послушно поднялась. — Теперь встречный вопрос: ты сегодня ел?

Вопрос застал врасплох сильнее медицинских оговорок.

— Технически — нет.

— Расшифруй «технически» до того, как оно станет диагнозом.

— Утром был чай. В нём плавала заварка, а заварка когда-то росла. Растение можно считать пищей.

Даша смотрела молча. Под её взглядом шутка прожила несколько секунд, истратила последнюю надежду выдать себя за ответ и умерла.

— Со вчерашнего вечера, — признался я. — Если половина чужого печенья не считается полноценным приёмом пищи.

— Садись.

— Я здоров и пока сохраняю вертикальное положение.

— Садись, пока я не продемонстрировала разницу между здоровым человеком и человеком, который падает лицом на мои пробирки.

Глава 4

У стены стояла табуретка с продавленным сиденьем. Я опустился и только тогда почувствовал, как гудят ноги. Даша тем временем убрала документы в папку, запечатала клапан номерной бумажной полосой и перенесла на соседний стол. Вымыла руки по локоть, вытерла насухо, после чего открыла маленький холодильник под рабочей тумбой.

На верхней полке лежали хладоэлементы, ниже — два контейнера с реактивами, отделённые пластиковой перегородкой. В дверце стояла коробка с крупной наклейкой: «ЕДА. ДАША. НЕ ТРОГАТЬ, ОСОБЕННО ЛЕБЕДЕВУ». Даша вынула её, сверила время на крышке и развернула два бутерброда: сыр, огурец, тонкий ломтик запечённой курицы между уже мягкими кусками хлеба.

— Один был мой, — сказала она. — Второй тоже был мой. Теперь второй твой, но благотворительности здесь нет. Завтра будешь работать головой за карточками, а не падать в архивную пыль от голода.

— Ты предусмотрительно превратила бутерброд в аванс.

— Мой отец торгует лекарствами. Я выросла среди людей, которые умеют объяснить цену бесплатного образца.

Она протянула мне фольгу, поставила на стол две тяжёлые кружки и налила горячую воду из чайника. Пакетики ромашки достала из кармана халата, каждый помяла пальцами, проверяя запах, и опустила в воду.

Первый кусок едва не проскочил целиком. Огурец успел намочить хлеб, курица пахла перцем, сыр лип к нёбу. Обычная еда именно поэтому казалась настоящей и дорогой. Я заставил себя жевать медленнее. Даша села напротив на край стола, поставила одну ступню на перекладину и тоже откусила. За тем, как я ем, не следила — сохранила остаток достоинства, не объявляя об услуге.

— Обувь у тебя мокрая третий день, — сказала она после паузы. — Куртка та же, что на экзамене. Сегодня в столовой ты дошёл до кассы, посмотрел на цены и вышел.

Я поднял глаза от бутерброда.

— Откуда медицинская разведка знает мои перемещения?

— Сидела у окна с карточками и сама выбирала между супом и автобусом.

— Автобус победил?

— Суп. До общежития дошла пешком. В отличие от тебя, разумные решения я принимаю хотя бы через раз.

— Для одного дня богатая статистика.

Даша развернула кружку ручкой к себе.

— Дочь личного дворянина не обязана ездить с водителем. У отца доля в небольшой аптечной сети, мать считает каждый платёж и сортирует скидочные купоны по сроку действия. На мою учёбу семье хватает. На привычку выбрасывать еду — уже нет.

Я собрал фольгу квадратом, загоняя крошки внутрь.

— Сто двадцать три рубля.

— Что именно?

— Весь мой текущий капитал. Хотел проверить точность твоей диагностики.

— Идиот. — Злости в голосе не было, но Даша перестала жевать. — Усадьба действительно заложена?

— Банк обещал до полудня решить, продолжает ли считать меня владельцем имущества, которое принадлежит ему больше, чем мне. Экономка пишет: «Держитесь». Приложение предлагает взять новый кредит. Поддержка работает безупречно.

— Ты мог попросить у Тропинина хотя бы на еду.

— Мог. Вместе с деньгами получил бы ещё один повод считать, что самостоятельно род не удерживаю. Попрошу, когда голод начнёт мешать делу сильнее гордости.

— Уже начал. — Даша поставила недоеденный бутерброд на крышку коробки. — Ты дважды прочёл одну строку протокола и забыл фамилию эксперта, которую потом чудесно вспомнил. Я видела обе попытки.

— Поэтому сейчас ем твой аванс, а завтра таскаю сорок семь карточек.

— Бутерброд упрямство не отменяет.

— Я и не называл его достоинством.

Она отпила ромашку. Пар коснулся веснушек на носу, влажная прядь пристала к скуле. Даша сдула её и продолжила смотреть поверх кружки. Молодое тело Льва успело заметить изгиб шеи, движение груди под расстёгнутым верхом халата и открывшееся между краем юбки и белой тканью колено. Я вернул внимание к её лицу на секунду позже, чем требовалось. Даша поймала направление взгляда, подол поправлять не стала — только поставила ногу ровнее и чуть приподняла бровь, предлагая самому перестать напоминать Фыра возле мясной лавки.

— Простите, доктор.

— Практикантка. И смотри хотя бы с выражением умнее, чем у твоего барсука перед пирогом.

— В этом сравнении Фыр недостижим.

Даша рассмеялась коротко и хриловато, прикрыв рот тыльной стороной ладони. На миг усталость исчезла с лица. Смех сделал её моложе привычной профессиональной собранности и опаснее для моей способности держать мысль.

— Почему государственная больница? — спросил я. — С аптечной сетью отца проще устроиться в частную клинику.

Улыбка ушла, но оставила после себя тёплую тишину.

— В частной клинике меня сначала назовут дочерью Виктора Полынцева, потом будущей заведующей, и лишь в конце врачом — если повезёт. В государственной приёмной прочитают фамилию на бейдже и потребуют удержать ребёнка в сознании до приезда реанимации. Такой порядок мне честнее.

— Платят там меньше.

— Я умею считать. — В голос вернулась твёрдость, с которой она исправляла медицинские формулировки. — И хочу выбирать работу сама. Иногда консультировать твоё будущее агентство мне интересно. Носить за тобой аптечку, пока ты красиво расследуешь, — чужая жизнь.

— Агентства пока нет, а ты уже грамотно отказалась в нём работать.

— Чтобы потом не услышать, будто ты неправильно понял.

— Тогда фиксируем: сорок семь карточек — разовая встречная обязанность. Дальше только договор и твой свободный выбор.

— Вот теперь договорились.

Она протянула руку через узкий промежуток между нами. Я ответил рукопожатием. Тёплая сухая кожа, уверенное короткое сжатие — всё длилось ровно столько, сколько положено деловой договорённости, и оставило в коже больше, чем ей полагалось.

Даша первой убрала руку и кивнула на запечатанную папку.

— Хочешь ещё одно уточнение бесплатно?

— После разговора с дочерью аптекаря бесплатных вещей я опасаюсь.

— Если ментальное воздействие стало смертельным, нападавший мог не собираться убивать. Человек пытается продать решение, встречает сопротивление, усиливает нажим, видит последствия и пугается. Это объясняет спешку с ожогами на пальцах и грубую инсценировку. Объясняет, Матвей, но по-прежнему не доказывает.

— Тогда ищем конфликт, в котором Аркадия требовалось заставить молчать, и возможность наскоро подменить картину смерти.

— Либо медицинскую причину, которую мы пока не исключили. Держи запасной выход из собственной головы открытым.

Я допил чай, собрал крошки в фольгу и вернул страницы протокола в отдельные файлы. Номера мы сверили вместе, снизу вверх. Лишь после проверки папка ушла в рюкзак — в другое отделение, подальше от блокнота Аркадия.

— Даша.

— М-м?

— Спасибо. Бутерброд здесь меньшая часть.

Она посмотрела на меня без настороженности первых минут и без профессиональной сухости. Взгляд был человеческим, усталым к концу смены и живым.

— Благодарить рано. Я дала гипотезу, не приговор. Если ты придёшь к Бирюку и назовёшь Смольцеву на основании моих слов, меня выкинут с ротации быстрее, чем я произнесу «медицинская тайна».

— Источник до нужного момента называть не стану. Сначала независимый факт.

— Хорошо бы. — Даша вдруг замерла, глядя на мою левую руку.

Я снова растирал предплечье. Несколько часов назад в архивном закутке опёрся им о металлический угол шкафа; с тех пор каждый поворот кисти отзывался тупым напоминанием.

— Что у тебя с рукой?

— Ничего серьёзного.

— Покажи.

— Это обычный синяк, Даша.

— Покажи, — повторила она тоном, которым, вероятно, разговаривала с упрямыми пациентами вдвое старше себя.

Я снял влажную куртку, повесил на спинку стула и закатал рукав блузы. Ткань зацепилась за локоть; пришлось потянуть зубами. На предплечье темнел широкий свежий кровоподтёк с густой полосой от края шкафа. Он выглядел убедительнее слов про обычный синяк.

Даша подошла вплотную, поддержала предплечье снизу и повернула к лампе. Для девушки её роста хватка оказалась неожиданно уверенной. Та же сосредоточенность, с которой она читала протокол, теперь принадлежала моему телу.

— Удар о твёрдый угол, часа три-четыре назад. Онемение было? Сожми кисть. Разожми. Теперь поверни её внутренней стороной к свету.

Я выполнил. Одной рукой Даша держала запястье, другой последовательно прощупывала кость от локтя к кисти. После каждого нажима ждала ответа мышцы прежде моих слов.

— Терпимо.

— У мужчин «терпимо» часто означает: больно, но жаловаться нельзя, потому что на свете существуют дела поважнее. — Большой палец прошёл вдоль края кровоподтёка, проверяя плотность ткани.

Прикосновение ощущалось ярче, чем требовал осмотр: тепло её кожи на моей остывшей, мягкий точный нажим, близость тела между мной и лампой. Пахло антисептиком, ромашкой и человеком после длинной смены.

— Кость, похоже, цела, движение сохранено, мышца отвечает. Обычная гематома, если ночью не появятся онемение и нарастающая боль.

Она отпустила запястье, достала холодоэлемент, завернула в тонкое полотенце и прижала к синяку.

— Держи сам десять минут. Потом наложу лёгкую повязку. Сегодня руку не нагружай.

— Так просто? Где таинственное сияние целителя?

— В рекламе клиники моего отца. Здесь сосуды повреждены, кровь вышла в ткань. Если я щедро разгоню восстановление, не остановив отёк и не проверив кость, утром получу красивую жалобу и плохую отметку. Дар не отменяет анатомию.

Холод сначала обжёг кожу, потом боль выровнялась. Даша обошла стол, взяла эластичный бинт и остановилась напротив.

— Могу снять мышечный спазм малым целительским воздействием. Синяк останется, тканям потребуется время. Согласен?

— Согласен.

Она дождалась слова и лишь затем накрыла предплечье ладонью. Внутри мышцы разлилось узкое точное тепло, словно застывшие волокна осторожно разжали одно за другим. Даша дышала медленно, считая про себя. Каждый вдох удерживал нажим ровным; мышца отвечала ей медленным ослаблением. Дар жил в её внимании и теле; после него оставалась та же рука, только боль отпускала.

Через несколько вдохов Даша убрала ладонь.

— Поверни кисть.

Я повернул. Тянуло слабее, хотя синяк продолжал наливаться цветом.

— Лучше.

— Вот так выглядит «лучше», а не чудесное исцеление. Ночью приложишь холод ещё раз. Если пальцы занемеют — идёшь в приёмное, какую бы великую улику ни держал в этот момент.

Она начала бинтовать от запястья вверх. Пришлось подойти ближе и поднять предплечье к её груди. Белый халат распахнулся ровно настолько, чтобы взгляд заметил линию блузки и изгиб под ней. Я сосредоточился на каждом обороте бинта, который Даша укладывала ровно и без складок. Помогало заметно хуже, чем хотелось.

— Не туго? — спросила Даша.

— Смотря что именно.

Бинт застыл между её пальцами. Даша подняла глаза и медленно улыбнулась.

— Один шанс исправить реплику, барон.

— Повязка в самый раз. Остальное составляет профессиональную тайну наблюдателя.

— Ещё слово, и снимать бинт будешь зубами.

Узел она закончила аккуратно, без лишнего давления, и сразу моё предплечье не отпустила. При повороте я искал опору; раскрытая кисть остановилась в двух сантиметрах от её талии. Даша посмотрела сперва на замершее движение, затем на меня. Между нами оставались дыхание и удобная возможность сделать вид, будто движения вовсе не было.

— Можно? — спросил я тихо.

Она сама коснулась моей ладонью своего бока. Тёплая ткань халата, напрягшаяся под ней мышца — одна короткая секунда. Потом Даша отвела руку и отступила.

— Вот это было можно. Всё следующее спросишь отдельно и в другой день.

Щёки порозовели, взгляд остался прямым. Она сама дала близость и сама провела границу, поэтому прикосновение не выглядело случайной наградой за удачный допрос.

— Принял.

— Теперь будешь должен честно ответить на один вопрос.

— Задавай.

— Ты действительно веришь, что доберёшься до правды раньше Инспекции? Без лицензии, почти без денег, с барсуком, которого понимаешь только ты, и уликами, добытыми на границе временного допуска?

Насмешки в голосе не было. Честный вопрос требовал такого же ответа.

— Верю. Часть этой веры — самоуверенность. Я хорошо читаю людей, умею держать слежку и упрямее Бирюка в одном конкретном деле, потому что у него их десять, а у меня одно. Отступать мне тоже некуда: официальная версия останется, лицензия уйдёт, банк начнёт решать судьбу дома. Всё это делает меня настойчивым. И всё это способно заставить полюбить первую стройную версию сильнее фактов.

— Ты хотя бы знаешь своё больное место.

— Знать и не наступать — разные квалификации.

— Тогда ещё один вопрос. Что сделаешь, если новая версия потребует рискнуть чужой лицензией, а не твоей?

Я посмотрел на запечатанную папку, аккуратный узел бинта и коробку из-под еды. Сорок семь карточек уже лежали на моей чаше.

— Сначала спрошу владельца лицензии и дам возможность отказать. Если времени на согласие не будет, а опасность окажется немедленной, выберу жизнь. После назову решение своим и не спрячусь за чужой спиной.

— Красивый ответ.

— Другого пока нет.

— Значит, проверю по поступкам.

Даша кивнула медленно, словно взвешивала мои слова на невидимых весах.

— Честно. Этого достаточно, чтобы дать тебе шанс доказать.

В дверь лаборатории резко и торопливо застучали. Фыр не располагал ни руками, ни привычкой стучать, значит, за порогом появилась новая проблема.

— Вязьмин! — Голос Хоря пробился сквозь дверь, возбуждённый и запыхавшийся. — Ты там? Мне нужно срочно сказать, пока не поздно!

Даша вопросительно подняла бровь.

— Твой информатор?

— Должник, ставший информатором против собственной воли. — Я поднялся, проверил папку в рюкзаке и у двери обернулся. — Протокол забираю. Гипотезу помню дословно. Если понадобится официальное подтверждение, сначала приду к тебе с вопросом, а не с давлением.

— Договорились. — Она вернулась к журналу пробирок, но, когда я уже толкнул дверь, добавила вслед: — И Вязьмин. В следующий раз принеси еду сам. Желательно горячую. Мне на дежурстве тоже иногда нечего есть.

— Это приглашение?

— Медицинская рекомендация. Выполнишь вкусно — обсудим формулировку.

Ответить я не успел. Дверь закрылась за спиной, а в коридоре уже ждал Хорь — мокрый от дождя и бега, взъерошенный, с красными пятнами на щеках. Фыр стоял рядом и настороженно обнюхивал его брюки.

— Ты не поверишь, что я узнал. — Хорь схватил меня за рукав прежде, чем я успел спросить. В возбуждении уже жил страх человека, чья новость успела стать опасной для носителя. — Кушин. Помнишь Кушина?

— Его сложно забыть после попытки испортить тебе жизнь доносом декану.

— Вот именно. — Хорь понизил голос и оглянулся на Нину Сомову.

Она заполняла лист назначений за стойкой и слушала вполне открыто. В лечебном крыле быстро отучались изображать глухоту, если рядом обсуждали возможную будущую травму.

— Кушин сегодня искал меня, — продолжил Хорь. — Попросил маленький датчик движения на дверь, два аккумуляторных динамика с белым шумом и таблетки, чтобы руки не дрожали. Срочно, за любые деньги. Я таблетками не торгую, сразу говорю. Глушилок для камер у меня тоже нет. Обычные динамики иногда одалживаю.

— Повтори дословно, что он сказал о таблетках.

Хорь вытер мокрый лоб тыльной стороной ладони.

— «Дай что-нибудь, чтобы сердце не колотилось и голову не повело от давления». Я спросил, какого ещё давления. Он послал меня, ушёл, через десять минут вернулся и снова спросил про датчик. Сам подумай: зачем студенту ночью белый шум, сигнал на дверь и спокойные руки?

— Продолжай. Пока только его слова.

— Я сказал, что технику подбирают под помещение и количество людей. Тут Кушин проговорился: сегодня ночью будет дуэль в подвале спортивного крыла. Настоящая подпольная, без преподавателя. Три обмена, как на учебном спарринге, но отвечать за остановку некому. Он дерётся с Гришей Северовым.

Внутри всё сложилось резким почти телесным щелчком. Даша только что объяснила: старшие примешивают к проявлениям давление на внимание, а неконтролируемый обмен в подвале способен закончиться реанимацией. Хорь принёс страх дрожи, сердца и «давления». Кушин с Северовым уже появлялись в слухах о денежных проблемах, а Аркадий собирал сведения о должниках. Ночная дуэль могла продолжать конфликт, начавшийся до его смерти.

Щелчок понравился слишком сильно. Именно об этом Даша предупреждала: стройная версия ощущается наградой раньше, чем заслужит право стать рабочей.

— Время и место Кушин назвал точно?

— Полночь. Технический вход в подвал спортивного крыла со стороны заднего двора. Замок там символический, студенты давно приспособились. Он сказал: «В этот раз всё серьёзно» и «Гриша должен ответить за слова про Люду».

— Люда Ряжская придёт?

— Кушин сказал, что она знает и будет смотреть. — Хорь наконец отпустил мой рукав. На ткани остались влажные следы пальцев. — Я дальше не участвую. Датчик не дал. Динамики тоже. Если он заявит, что я помог устроить дуэль, всё отрицаю. Я и так у тебя по уши в долгу за историю с доносом о торговле, но подпольная дуэль — это отчисление. Мне двадцать, Вязьмин. Возвращаться в посёлок и объяснять матери, что меня выгнали из-за чужой чести, я не хочу.

— Ты сообщил время и место. На этом твоя часть закончилась.

— Не закончилась. — Он попятился, словно я уже тянулся за новым долгом. — Если ты полезешь туда и назовёшь моё имя, Кушин поймёт, кто его сдал.

— Имя не назову. Но если кому-то будет угрожать жизнь, вызову охрану, даже если потом цепочка приведёт к тебе.

— Вот умеешь ты успокоить человека.

— Обещаю только то, что способен выполнить. Твоё имя не использую ради удобства. Чужую травму твоим спокойствием тоже не оплачу.

Хорь вытер лицо рукавом, несколько секунд смотрел в пол и кивнул. Благодарности в этом кивке не было. Я снял с него одну опасность и оставил другую; честная арифметика редко вызывает восторг.

— Это не новая дуэль, — сказал я Хорю. — Кушин сорвал наш договор. В четверг он должен был встретить нас у технической двери в восемнадцать сорок пять, выйти против Северова в девятнадцать и вернуть дедов амулет до девяти вечера. Вместо этого перенёс бой на ближайшую полночь, спрятал его от согласованных свидетелей и уже держит твою вещь. Датчик, белый шум и таблетки нужны ему, чтобы поменять условия после передачи амулета и остаться единственным человеком, который их помнит так, как выгодно ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.